

«Конституция Карела Крамаржа»: проект президентской республики для России

Аннотация. В статье рассматривается возможность учреждения в России после 1917 г. президентской республики. Исследуется правовая позиция консервативно-либерального и либерально-демократического лагеря в отношении применимости американской конституционной модели по организации высшей исполнительной власти. Основная часть работы посвящена анализу проекта «Конституции Российского государства», составленного чешским государственным деятелем Карелом Крамаржем. Проводится разборка норм «Конституции Российского государства», посвященных правовому статусу и полномочиям главы государства. Методология исследования включает общенаучные методы, такие как анализ, сравнение, приемы логики и др. Частноправовые методы позволили раскрыть и объяснить смысл «Конституции Российского государства» (метод юридической герменевтики), а также сопоставить юридические категории и институты, которые использовались Карелом Крамаржем для формирования президентской республики в России (сравнительно-правовой метод). Авторы приходят к выводу о том, что проект «Конституции Российского государства» стал одним из специфических отражений белого конституционализма.

Ключевые слова: Карел Крамарж; гражданская война; конституция; консервативный либерализм; либеральная демократия; конституционализм; диктатура; глава государства; президентская республика; революция.

Для цитирования: Зайнутдинов Д. Р., Гатауллин А. Г. «Конституция Карела Крамаржа»: проект президентской республики для России // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 12. — С. 11–22. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.121.12.011-022.

© Зайнутдинов Д. Р., Гатауллин А. Г., 2020

* Зайнутдинов Динар Рафаилович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова (ИЭУП), руководитель юридического отдела Института социальных и гуманитарных знаний Московская ул., д. 42, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, 420111 knight_1988@mail.ru

** Гатауллин Анас Газизович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета Московская ул., д. 18, г. Казань, Республика Татарстан, Россия, 420008 anas6140@rambler.ru

«The Constitution of Karel Kramář»: A Draft of Presidential Republic for Russia

Dinar R. Zainutdinov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of the State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov (IEML); Head of Legal Department, Institute of Social and Humanities Knowledge
ul. Moskovskaya, d. 42, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420111
knight_1988@mail.ru

Anas G. Gataullin, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan (Volga) Federal University
ul. Moskovskaya, d. 42, Kazan, Republic of Tatarstan, Russia, 420008
anas6140@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to the examination of the possibility of establishing a presidential republic in Russia after 1917. The authors have investigated the legal stance of the conservative-liberal and liberal-democratic camps in relation to the applicability of the American constitutional model for the organization of the highest executive power. The main part of the study is devoted to the analysis of the draft “Constitution of the Russian State” compiled by the Czech statesman Karel Kramář. The paper has examined the rules of the “Constitution of the Russian State” devoted to the legal status and powers of the Head of State. The study methodology includes such general scientific methods as analysis, comparison, techniques of logic, etc. Private legal methods allowed the authors to reveal and explain the meaning of the “Constitution of the Russian State” (the method of legal hermeneutics), as well as to compare the legal categories and institutions Karel Kramář used to form a presidential republic in Russia (the comparative-legal method). The authors conclude that the draft “Constitution of the Russian State” became one of the specific reflections of “white” constitutionalism.

Keywords: Karel Kramář; civil war; constitution; conservative liberalism; liberal democracy; constitutionalism; dictatorship; Head of State; presidential republic; revolution.

Cite as: Zainutdinov DR, Gataullin AG. «Konstitutsiya Karela Kramarza»: proekt prezidentskoy respubliki dlya Rossii [“The Constitution of Karel Kramář”: A Draft of Presidential Republic for Russia]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(12):11-22. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.121.12.011-022. (In Russ., abstract in Eng.).

В период Революции 1917 г. и Гражданской войны 1918–1920 гг. на свет появилось множество проектов конституционного оформления государственного строя России. Наибольший вклад в конституционное проектирование внесли представители консервативного (классического европейского) либерализма (Партия мирного обновления, Союз 17 октября) и либеральной демократии (Партия народной свободы). В то же время сторонники этих течений расходились касательно формы правления, необходимой для российской государственности. Подавляющая часть представителей консервативного либерализма отстаивала идею учреждения конституционной парламентской монархии, тогда как основная масса либерал-демократов считала более предпочтительной республику (колеблясь между парламентской

и президентской формами). Народ, в особенности его революционные лидеры, отбросивший в 1917 г. царизм, не был готов мириться с монархией в любом ее воплощении, даже в конституционном парламентском образе по примеру Великобритании. Поэтому определенная часть консервативных либералов и подавляющее большинство либерал-демократов, учитывая стремление российского общества к республиканской форме правления, основное внимание сосредоточили на модели президентской республики. Их позиции по данному вопросу отличались лишь уровнем концентрации власти, которым они хотели наделить в конституции главу государства (президента). При этом для российских консервативных либералов и либерал-демократов было важно закрепить преемственность персонифицизма и моноцен-

тризма исполнительной власти — от монарха к президенту. «Конституция несет в себе символический ген традиции об опыте конституционных преобразований, в которых присутствуют или формы участия народа, или формы доминирования правителей (монарха, президента, других лиц)», — пишет И. А. Кравец¹. Таким образом, в российской либеральной среде выстраивалась специфическая цепь легитимного перехода высшей исполнительной власти к конкретной должности.

«Институт президентства имеет свою логику развития в той или иной политической системе, во многом опираясь на существующий культурный пласт и историческую ситуацию. Это создает определенные трудности в концептуализации данного понятия ввиду определенной относительности каждого отдельно взятого случая института президентства. Так, в государствах с сильной демократической традицией институт президентства может представляться в более или менее завершенном виде. Сложившийся в течение длительного периода времени президентский функционал является оптимальным и не требует каких-либо переоценок и ревизии»². Соединенные Штаты Америки являются классическим примером стабильного функционирования института президентства. В США президент встроен в систему разделения властей. И. А. Исаев пишет, что принцип разделения властей «устанавливает кажущееся и неустойчивое равновесие, делающее возможным генерирование новой власти, которая будет уже лишена возможности разрастаться за счет других»³. Так, разделение власти в президентской республике выражено наиболее четко. Поэтому, даже, несмотря на сильную власть президента США, созданная конституционная модель сдержек и противовесов (*checks and balances*) в течение

столетий обеспечивает баланс полномочий всех ветвей власти. С одной стороны, президентализм сосредотачивает сильные полномочия у главы государства, а с другой — нахождение президента на вершине исполнительной ветви власти позволяет осуществлять должным образом контроль над ней. Таким образом, положительная черта президентской республики в ее классическом, американском воплощении заключается в том, что президент не выпадает из системы разделения властей, не стоит над ней, не является неким «гарантом», наоборот, президент — подконтролен, подотчетен, ответственен.

Вышеуказанное позволяет понять интерес консервативно-либерального и либерально-демократического лагеря к президентализму. В 1917 г. сторонники этих течений рассматривали президентскую республику в качестве реальной альтернативы конституционной парламентарной монархии. Этому способствовало и то, что российская теория конституционализма начала XX в. выстраивалась вокруг идеи о сильной власти главы государства — «твердой руке». Именно по этой причине в процессе конструирования законодательных и конституционных проектов Юридическое совещание 1917 г. постоянно обращалось к идеям о сильной президентской власти. Так, И. С. Искевич пишет: «Задачей Временного правительства было закрепление сильной исполнительной власти. Конституция, которую Юридическое совещание хотело предложить Учредительному собранию, была призвана закрепить в России государственный строй в форме «единой и нераздельной» унитарной республики с сильной президентской властью, обеспечивающей своим гражданам основные права и свободы»⁴. А. С. Смыкалин отмечает: «Идея сильной государственной власти

---

¹ Кравец И. А. Конституционная модернизация и консервативная охрана (российский конституционализм и теория учредительной власти) // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 8. С. 4.

² Толочко А. В., Гришаев О. Н. Институт президентства в республиканской форме правления: проблемы концептуализации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1. С. 57.

³ Исаев И. А. Консервативные парадигмы: власть и традиция // История государства и права. 2015. № 22. С. 40.

⁴ Искевич И. С. Правотворческая деятельность и конституционные проекты Временного правительства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 158.

проявилась в наделении президента широкими полномочиями. Президенту предоставлялось право законодательной инициативы, наблюдение за исполнением законов, издание указов об устройстве, составе и порядке действий правительственных учреждений (за исключением судебного ведомства), разрешение всех дел управления. Проект возлагал на президента руководство внешними сношениями с иностранными державами, верховное руководство всеми вооруженными силами, назначение и увольнение председателя Совета министров, министров. Что касается ответственности перед Учредительным собранием, то она была изложена довольно расплывчато. Президент давал письменные и устные объяснения Учредительному собранию⁵. В конституционных воззрениях консервативных либералов и либерал-демократов президент выступал не только гарантом конституции, но и гарантом незыблемости свершившихся революционных преобразований.

Однако революционные тенденции 1917 г. фактически предопределили развитие российской государственности и ее правовой модели в рамках социализма, а потому они не смогут занять ведущее место в формировании нового государственного строя. Социалистический лагерь, базируясь на идеях народного представительства, президентскую республику вообще не рассматривал в качестве возможной формы правления. Для правосоциалистических групп единственно приемлемым вариантом был парламентаризм (парламентская республика), тогда как левосоциалистические круги готовились к проведению эксперимента, заключавшегося в установлении ранее неизвестной миру «диктатуры пролетариата», олицетворявшей свою власть в «советах». В результате выборов во Всероссийское учредительное собрание представители либеральной демократии (кадеты) потерпели полное поражение. В частности, согласно партийным спискам во Всероссийское уч-

редительное собрание вошли «715 человек, из них 370 мест получили эсеры (в том числе 40 — левые эсеры), 175 — большевики, 86 — национальные группы, 17 — кадеты, 15 — меньшевики, 2 — народные социалисты и 1 — не назвавший партийной принадлежности»⁶. В процентном соотношении картина была следующей: правые эсеры — 51,7 %, большевики — 24,5 %, национальные группы — 12 %, кадеты — 2,4 %, меньшевики — 2,1 %; энесы — 0,3 %, прочие группы — 7 %. Согласно идеологическому вектору Всероссийского учредительного собрания около 65 % представителей базировались на правосоциалистических идеях; около 3 % — на идеях либеральной демократии; около 32 % — это представители левосоциалистических течений, в том числе идеологи национал-коммунизма.

Начавшаяся Гражданская война дала консервативным либералам и либерал-демократам второй шанс для воплощения в жизнь собственной политической программы, внедрения в корневую основу правовой модели отстаиваемых идей, установления наиболее приемлемой для России, по их мнению, президентской формы правления. Все это можно было реализовать только путем конституционного закрепления. Поэтому в период Гражданской войны для консервативно-либеральной и либерально-демократической правовой мысли конституционализм стал надыдеологическим стандартом. Представителей указанных течений можно именовать более обобщенным термином — белые правоведаы, т.к. именно они концептуально оформляли государственно-правовую модель белой государственности и готовили проекты для постбольшевистской России.

Тяготение белых правоведаов и политиков к сильной исполнительной власти автоматически направляло их к американской конституционной модели. Однако вместе с этим тяготением белые либерал-демократы учитывали наличие в США весьма эффективного правового

⁵ Смыкалин А. С. Историко-сравнительный анализ проекта Конституции Российской Демократической Федеративной Республики 1917 г. и ныне действующей Конституции РФ 1993 г. // Государство и право. 2014. № 1. С. 101.

⁶ Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М. : Юристъ, 2001. С. 1144.

го механизма, оберегающего государственную власть от узурпации и защищающего общество от суперпрезидентализма. Это неоднократно отражалось в создаваемых ими проектах конституционного развития для России. Наиболее интересным в данном отношении выступал проект основного закона, подготовленный и опубликованный Карелом Крамаржем 25 января 1920 г., — «Конституция Российского государства» («Конституция Крамаржа»)⁷.

Карел Крамарж (1860–1937) являлся чешским государственным и политическим деятелем. По образованию он был юристом. С 1890 г. К. Крамарж стал одним из лидеров партии младочехов. В 1891–1914 гг. был депутатом австрийского рейхсрата. К. Крамарж, проводя политику сотрудничества с венским двором, одновременно был приверженцем русского царизма, выступал за сближение Австро-Венгерской империи с Российской империей. В 1918 г. он возглавил Чешский национальный комитет, был одним из основателей правой Национально-демократической партии. В 1918–1919 гг. он занимал пост премьер-министра первого чехословацкого правительства. В годы Гражданской войны в России К. Крамарж с целью поддержки Белого движения выступал за иностранную военную интервенцию⁸. К. Крамарж был сторонником идеи панславизма и горячим русофилом, руководящую роль в «союзе славянских стран» он отдавал России. При этом «в глазах прогрессивной части чешского общества трактовка Крамаржем идеи славянской общности воспринималась как навязывание чехам культа “власти и материальной силы”.... Безусловно, его концепция строилась исходя из политической конъюнктуры, была крайне политизирована.... С именем Крамаржа связывается формирование идеологии неославизма, бесспорно его опре-

деляющее влияние на характер развития этого движения»⁹. Изложенное объясняет причины поддержки К. Крамаржем белой государственности в России. Несомненно, что К. Крамарж искренне желал победы в Гражданской войне именно сторонникам Белого движения, в государственно-правовых идеях которых видел олицетворение консервативного либерализма, избавленного от пережитков монархического строя и консервативно-охранительного базиса. Белая Россия для него представлялась защитницей «славянского мира», предшественницей будущего демократического государства, которое установит новый правопорядок в Европе. Таким образом, путем создания Конституции для будущей России К. Крамарж хотел помочь в конституционализации государственного строя. Изложенное объясняет, почему «Конституция Крамаржа» вызвала пристальное внимание белых правоведов. Так, проект «Конституции Российского государства» во время пребывания К. Крамаржа в Париже был рассмотрен группой лиц различных политических направлений в составе Г. Е. Львова, П. Б. Струве, В. А. Маклакова, Б. В. Савинкова, М. А. Стаховича, М. М. Винавера и М. С. Аджемова. Из Парижа К. Крамарж проехал в Крым и Ростов, где проект вновь подвергся обсуждению, в котором участвовали П. И. Новгородцев, А. В. Кривошеин, Н. Н. Львов, Павел Долгоруков, И. И. Астров и Н. Н. Чебышев¹⁰.

Следуя российской либеральной концепции о сильной власти («твердой руке»), Карел Крамарж предложил для России проект президентской республики. Это отчетливо прослеживается в нормах «Конституции Крамаржа», которая состояла из 7 глав, 77 статей и примечаний самого автора. Нельзя не заметить, что в «Конституции Крамаржа» не упоминается наименование главы государства, тогда как в первоначальном

---

⁷ Крамарж К. Основы Конституции Российского государства // Архив русской революции / изд. Г. В. Гессен : в 22 т. Берлин : Слово, 1923. Т. 1, 2. С. 263–287.

⁸ Большая советская энциклопедия : в 30 т. Т. 13. Изд. 3-е / гл. ред. А. М. Прохоров. М. : Большая советская энциклопедия, 1973. С. 319.

⁹ Ненашева З. С. Масарик и Крамарж как идеологи славянского единства в восприятии российского консула в Праге // Славянский альманах. 2000. № 1999. С. 125.

¹⁰ Крамарж К. Указ. соч. С. 263.

проекте автор говорил именно о президенте¹¹. Данный факт сам К. Крамарж объяснял следующим: «В первоначальном проекте говорилось о президенте республики. Но признаюсь, что это было очень нелогично. Статья первая гласит, что форму правления определит учредительное собрание, — иначе и быть не может, а дальше говорилось о президенте республики. Поэтому теперь, не предвещая вопроса, я говорю вообще о главе государства, которым может быть или царь, или президент. Я далек от всякой попытки повлиять на решение представителей России. Тем более что на вопрос республики или монархии смотрю не как на догмат, а как на вопрос о том, что могло бы быть в данный момент и при данных условиях для государства полезнее. Но во всяком случае, даже если Учредительное собрание решит, что Россия должна быть царством, думаю, что царь не должен бы иметь больше власти, чем президент республики и что он должен бы быть выбран палатами лишь пожизненно. Мне тоже не хочется, чтобы президент республики, выбранный палатами на 7 лет, был безвластной фигурой, служащей лишь для декорации. Поэтому мой проект дает главе государства, будь то президент или царь, право распускать палаты и сеймы без каких-либо ограничений, считая это в конституционном государстве за самое сильное орудие власти его главы. Таким образом, возможно в моем проекте слово “президент” без существенных изменений заменить выражением “глава государства”»¹².

Первая глава «Конституции Крамаржа» была посвящена не основам государственного строя и не правам и свободам человека и гражданина, которые представляют собой стержневой конституционный базис. Первая глава содержала нормы о главе государства и состояла из 10 статей. Порядок избрания главы государства был довольно простым — посредством не прямых

выборов. В частности, статья 3 устанавливала, что глава государства должен избираться общим собранием обеих палат (Государственной думой и Государственным советом) простым большинством голосов присутствующих членов. Кворум выборов должен быть не менее 2/3 числа членов обеих палат. Глава государства был ответственен лишь за покушение на ниспровержение конституции (ст. 4). Из этой нормы Е. П. Серапионова делает справедливый вывод, что «глава государства должен был стать гарантом конституции»¹³. Согласно ст. 6 «Конституции Крамаржа» глава государства назначал и увольнял всех чиновников общеимперских и областных не ниже IV класса. Глава государства обладал весьма широкими полномочиями, а именно: обладал правом созыва Государственной думы и Государственного совета, областных сеймов, определял сроки их открытия и закрытия и имел право их роспуска (ст. 9); мог объявлять войну по решению обеих палат, а также заключать мир и ратифицировать международные договоры по одобрении обеих палат (ст. 10); являлся верховным начальником армии и флота, назначал и увольнял офицеров всех чинов по предложению министра военных дел (ст. 11); обладал правом помилования, жалования орденов и других знаков отличия (ст. 12). Таким образом, складывается впечатление, что вся полнота исполнительной власти находилась в руках главы государства. Однако следует особо выделить, что «Конституция Крамаржа» также предусматривала наличие должности государственного канцлера, который играл немалую роль в системе высшей исполнительной власти. «Не подлежит сомнению, что важную роль в переустройстве России будет играть особа государственного канцлера, который должен воплощать в себе идею примирения децентрализации России с крепкой центральной властью»¹⁴, — отмечал К. Крамарж. Другими словами, правомочия государствен-

¹¹ Конституция Российского государства (проект Карела Крамаржа) // ГА РФ. Ф. Р115. Оп. 1. Д. 60. Л. 1–5об.

¹² Крамарж К. Указ. соч. С. 280.

¹³ Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями / отв. ред. А. Л. Шемякин ; Ин-т славяноведения РАН. М. : Наука, 2006. С. 293.

¹⁴ Крамарж К. Указ. соч. С. 280.

ного канцлера были направлены на «разбавление» концентрации исполнительной власти, находящейся в руках главы государства.

Согласно ст. 25 «Конституции Крамаржа» общеимперское управление Российского государства должно было состоять из следующих 12 министров: государственный канцлер, министр иностранных дел, министр военных дел, министр морской, министр общеимперских финансов, министр торговли и промышленности, министр путей сообщения, почт и телеграфов, министр юстиции, министр народного просвещения и духовных дел, министр земледелия, министр труда (общественных работ), министр социального законодательства, призрения и здравоохранения. Хотя взаимоотношения между государственным канцлером и министрами не регламентировались в «Конституции Крамаржа», исходя из логики, следует заключить, что в совокупности они представляли собой правительство Российского государства, которое возглавлял государственный канцлер. Нормы «Конституции Крамаржа» закрепляли за государственным канцлером определенные полномочия, с которыми должен был считаться глава государства. В частности, если по ст. 6 глава государства назначал и увольнял всех чиновников общеимперских и областных, то согласно ст. 7 назначение общеимперских министров и председателей областных министерств должно было контрассигноваться (министерская скрепа, подпись) государственным (общеимперским) канцлером, а назначение областных министров контрассигновалось представителями областных министерств. Как видим, произвольное и неконтролируемое назначение и увольнение министров главой государства не допускалось. «Это не простая формальность. Государственный канцлер этим самым принимает на себя ответственность за это назначение и его последствия перед государственной думой и советом, почему имеет право и обязанность следить за ходом дел в областях. При таком устройстве государственный канцлер и областной министр-президент, естественно, сочтут нужным сговориться не только о том, как вести внутрен-

нюю политику областей, но также относительно состава областного кабинета, хотя назначение отдельных областных министров и должно быть контрассигновано только председателем областного министерства»¹⁵, — писал по этому поводу сам К. Крамарж.

Более того, указное право как исключительная прерогатива главы государства также контролировалось со стороны государственного канцлера. В соответствии со ст. 8 «Конституции Крамаржа», ни один акт главы государства не имеет обязательной силы, если он не скреплен подписью канцлера или главой соответствующего ведомства. Здесь же следует обратить внимание на то, что государственному канцлеру и министрам было крайне трудно стать марионетками главы государства по той причине, что первые были ответственны за свои действия перед Государственной думой (ст. 26). В судебном порядке государственный канцлер и министры привлекались лишь по постановлению Государственной думы, принятому большинством в 2/3 голосов, тогда как отвечать они должны были перед трибуналом, состоящим из всех членов Государственного совета по избранию. Следовательно, положение ст. 26 было направлено на сдерживание разрастания указного права главы государства, т.к. ни государственный канцлер, ни министры не стали бы подписывать нормативные правовые акты, которые прямо бы противоречили основам конституционного строя.

Специфичны полномочия государственного канцлера были и в области государственного контроля. Так, согласно ст. 39 «Конституции Крамаржа» государственного контролера назначал глава государства по предложению государственного канцлера из четырех кандидатов, избранных по два Государственной думой и Государственным советом. В соответствии со ст. 41 свои заключения государственный контролер представлял государственному канцлеру или областным председателям Совета министров по принадлежности. Глава государства не имел возможности влиять на государственного контролера.

---

¹⁵ Крамарж К. Указ. соч. С. 278.

Следует указать на еще одну норму «Конституции Крамаржа», которая определяет границу между главой государства и государственным канцлером и препятствует передаче власти своему «преемнику». В частности, авторитарный институт преемничества широко используется в современной России, когда нужно просто воспроизвести власть (например, от президента к председателю правительства и обратно). «Институт преемника представляет собой особую модель воспроизводства власти, характерную для патримониальных и неопатримониальных режимов... Неопатримониальная природа института преемника как модели воспроизводства власти неизбежно приводит к тому, что любой преемник оказывается своего рода “пленником системы”»¹⁶. Например, институт преемничества, хотя прямо и не закреплен в Конституции Российской Федерации 1993 г., отражается в ч. 3 ст. 92, в которой обеспечивается переход власти контролируемому лояльному лицу, а именно: «Во всех случаях, когда Президент Российской Федерации не в состоянии выполнять свои обязанности, их временно исполняет Председатель Правительства Российской Федерации»¹⁷. В этом отношении ст. 5 «Конституции Крамаржа» предусматривала, что пока новый глава государства (в случае отказа, смерти или отрешения по суду предыдущего) не вступит в исполнение своих обязанностей, его права и обязанности переходят председателю Государственного совета, которого на это время заменяет его товарищ. Государственный канцлер, как аналог председателя правительства, не замещал и не исполнял обязанности главы государства, что выводило личность, занимающую должность канцлера, из претендентов на преемничество.

Именно в период внутренней войны белые правоведы развили идею «твердой руки» в об-

разе конституционной (ограниченной) диктатуры как формы осуществления власти. Условно говоря, конституционная (ограниченная) диктатура являлась апробацией института президентализма в российских условиях. Идея сильной власти в Белом движении стала как никогда актуальной. В сильной власти усматривали панацею от революции, что в целом не ново. Правоведы консервативного либерализма и либеральной демократии, невзирая на военное время, стремились реализовать на территории белой России выработанные ими теории конституционализма, одним из направлений которого была концепция образования президентской республики. Более того, имелся и успешный пример практической реализации президентализма — США. Поэтому американский конституционный строй выступал образцовой моделью сильной исполнительной власти. Аналогичную точку зрения выдвигает и А. Н. Никитин, указывая, что в проектах строителей будущей России вполне просматривалось намерение использовать опыт США с установлением сильной президентской республики¹⁸.

Тем не менее следует особо выделить, что создание в России президентской республики в послевоенное время было весьма рискованным мероприятием, т.к. сосредоточение исполнительной власти в одних руках могло привести к деформации института президентства и превращению ее в диктатуру. «Моноцентризм наделяет президента правом регулировать все возможные отношения, что приводит к неэффективности коммуникации и доминированию в данной системе принципа лояльности, подавляющего “общий дух”. Важным в моноцентрических системах становится угодить верховному сюзерену, совместить свои интересы с его интересами, получив от “сотрудничества” политические, экономические и иные дивиденды взамен

¹⁶ Панов П. В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника // Политэксп. 2010. № 3. С. 29–30.

¹⁷ Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237.

¹⁸ Никитин А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. М. : Право и закон, 2004. С. 24–25.

общего блага»¹⁹. Несмотря на то что правоведы консервативного либерализма и либеральной демократии последовательно разрабатывали конституционные механизмы ограничения власти главы государства, апробируя их уже в ходе Гражданской войны, посредством создания правовых рамок для белых диктаторов, тем не менее риски централизации власти в руках одного лица вполне имелись. Например, юридически статус верховного правителя России А. В. Колчака был близок к статусу президента в президентской республике. Не исключено, что в последующем конституционном развитии белой России верховный правитель, скорее всего, приобрел бы роль главы всей системы исполнительной власти. Проблема статуса верховного правителя и совета министров крайне важна в том аспекте, что в белой России существовали определенные тенденции к заимствованию для российской государственности и правовой системы некоторых элементов американской конституционной модели. В этом отношении А. Н. Никитин приводит весьма интересный сценарий развития России и мировой истории в случае победы противобольшевистского движения в Гражданской войне: «Велика вероятность того, что в России утвердилась бы президентская республика с элементами диктатуры. Первым президентом стал бы человек, обеспечивший победу над большевизмом, — А. В. Колчак, со всеми вытекающими из этого последствиями»²⁰. В данном случае речь идет о суперпрезидентализме.

Последствия деформации института президентства в президентской республике всегда приводят лишь к одному — к образованию суперпрезидентализма. Это форма правления наличествует в некоторых современных государствах, политические режимы которых скрывают свой авторитаризм в гибридных формах. «Гибридный режим — это авторитаризм

на новом историческом этапе. Все исследователи, называющие гибридный режим нелиберальной демократией или электоральным авторитаризмом, обращают внимание на одну его обязательную отличительную черту — декоративность демократических институтов», — пишет Е. А. Лукьянова²¹. «В странах Латинской Америки часто встречаются “суперпрезидентские республики”. Эта форма правления — практически независимая, слабо контролируемая законодательной и судебной властью. Чаще всего в них применяется принцип прямого выбора президентов непосредственно населением. Государственное правление представляет собой своего рода конгломерат традиционной формы с полудиктаторским управлением. Фактически абсолютная власть далеко не всегда является гарантией стабильного социально-экономического строя государства. Как правило, в таких государствах уровень жизни населения находится на низком уровне»²². Концепция сильной исполнительной власти — «твердой руки» в период Гражданской войны была в полном объеме унаследована консервативными либералами и либерал-демократами. Однако о предпосылках формирования суперпрезидентализма в постбольшевистской России говорить нельзя, т.к. создаваемая конституционная основа поэтапно урезала полномочия белых диктаторов. Тем самым предопределяя правовой статус и полномочия главы государства (президента) в будущей России. В этом отношении справедлива точка зрения В. Д. Зиминной о том, что для белых режимов «характерные черты авторитаризма (моническая структура политической власти, отчуждение от нее народа, отсутствие реального разделения властей) не были абсолютны. Одни противобольшевистские режимы были близки к диктаторским,

---

¹⁹ Трофимов Е. А. Президентализм и устойчивость развития политий: российская политическая практика и опыт зарубежных стран // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Политология. Религиоведение. 2015. № 12. С. 44.

²⁰ Никитин А. Н. Указ. соч. С. 413.

²¹ Лукьянова Е. А., Шаблинский И. Г. Авторитаризм и демократия. М. : Мысль; Бизнес и мысль, 2018. С. 165.

²² Мелехин А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Маркет ДС, 2007. С. 163.

другие — к либерально-демократическим, не исключая и гибридные варианты»²³.

Подводя итоги, отметим, что если революционная эпоха заставила консервативно-либеральную и либерально-демократическую правовую мысль переосмыслить взгляд на форму правления, то период Гражданской войны усилил в ней позиции сторонников концепции сильной исполнительной власти. Естественным образом эта концепция отразилась в развитии теории российского конституционализма. Так, правовые идеи К. Крамаржа, закрепленные в «Конституции Российского государства», являются олицетворением воззрений представителей консервативного либерализма в Белом движении. Е. П. Серапионова пишет: «Он резко отрицательно относился к самодержавию и централизации, представляя себе новую Россию как свободную, децентрализованную страну, где гарантировано национальное развитие. Основой “привязанности” к новой России будет не полицейская и военная сила, а столетние экономические связи с Россией и отсутствие страха за внешнюю свободу. Будущая Россия, по мысли Крамаржа, должна была стать действительно страной демократической свободы для всех своих граждан без различия народности»²⁴. Исходя из норм «Конституции Крамаржа», в России

должна была быть установлена президентская республика.

В проекте «Конституции Российского Государства» «нетрудно увидеть черты, роднящие его как с общемировой тенденцией, так и с идеями российского либерального конституционализма начала XX в. Однако свою практическую значимость либеральный конституционный проект Крамаржа в России не приобрел, что было связано с исторической обстановкой, осложненной Революцией 1917 г. и Гражданской войной»²⁵. Тем не менее практическим воплощением концепции сильной исполнительной власти («твердой руки»), которой как раз и была посвящена «Конституция Крамаржа», стало образование и функционирование в 1918–1920 гг. в белой государственности конституционной (ограниченной) диктатуры.

В силу ограничения объема исследования провести полный анализ «Конституции Крамаржа» невозможно. Поэтому в настоящей работе были проанализированы только нормы, относящиеся к главе государства, и была предпринята попытка выявить его правовой статус в постбольшевистской России. По той же причине пришлось обойти вниманием отрицательные черты «Конституции Крамаржа», которыми она изобилвала.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Зими́на В. Д.* Белое дело взбунтовавшейся России : Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. — М. : Рос. гуманит. ун-т, 2006. — 467 с.
2. *Исаев И. А.* Консервативные парадигмы: власть и традиция // История государства и права. — 2015. — № 22. — С. 36–43.
3. *Искевич И. С.* Правотворческая деятельность и конституционные проекты Временного правительства : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. — М., 2005. — 179 с.
4. Конституция Российского государства (проект Карела Крамаржа) // Государственный архив Российской Федерации. — Ф. Р115. — Оп. 1. — Д. 60. — Л. 1–5об.
5. *Кравец И. А.* Конституционная модернизация и консервативная охрана (российский конституционализм и теория учредительной власти) // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 8. — С. 3–7.

²³ *Зими́на В. Д.* Белое дело взбунтовавшейся России : Политические режимы Гражданской войны. 1917–1920 гг. М. : Рос. гуманит. ун-т, 2006. С. 210.

²⁴ *Серапионова Е. П.* Указ. соч. С. 301.

²⁵ *Токарева Д. В.* Конституционные проекты и концепции в русской либеральной мысли второй половины XIX — первой четверти XX века : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2010. С. 170.

6. Крамарж К. Основы Конституции Российского государства // Архив русской революции / изд. Г. В. Гессен : в 22 т. — Т. 1, 2. — Берлин : Слово, 1923. — С. 263–287.
7. Лукьянова Е. А., Шаблинский И. Г. Авторитаризм и демократия. — М. : Мысль; Бизнес и мысль. 2018. — 349 с.
8. Мелехин А. В. Теория государства и права : учеб. — М. : Маркет ДС, 2007. — 640 с.
9. Ненашева З. С. Масарик и Крамарж как идеологи славянского единства в восприятии российского консула в Праге // Славянский альманах. — 2000. — № 1999. — С. 123–130.
10. Никитин А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение. — М. : Право и закон, 2004. — 448 с.
11. Панов П. В. Политический порядок и проблема воспроизводства власти: институт преемника // Политэкс. — 2010. — № 3. — С. 19–33.
12. Серапионова Е. П. Карел Крамарж и Россия. 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями / отв. ред. А. Л. Шемякин ; Ин-т славяноведения РАН. — М. : Наука, 2006. — 512 с.
13. Смыкалин А. С. Историко-сравнительный анализ проекта Конституции Российской Демократической Федеративной Республики 1917 г. и ныне действующей Конституции РФ 1993 г. // Государство и право. — 2014. — № 1. — С. 100–114.
14. Токарева Д. В. Конституционные проекты и концепции в русской либеральной мысли второй половины XIX — первой четверти XX века : дис. ... канд. ист. наук. — Орел, 2010. — 212 с.
15. Толочко А. В., Гришаев О. Н. Институт президентства в республиканской форме правления: проблемы концептуализации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 1. — С. 54–58.
16. Трофимов Е. А. Президентализм и устойчивость развития политий: российская политическая практика и опыт зарубежных стран // Известия Иркутского государственного университета. Серия : Политология. Религиоведение. — 2015. — № 12. — С. 41–49.

Материал поступил в редакцию 26 января 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Zimina V. D. Beloe delo vzbuntovavshejsya Rossii : Politicheskie rezhimy Grazhdanskoj vojny. 1917–1920 gg. — M. : Ros. gumanit. un-t, 2006. — 467 s.
2. Isaev I. A. Konservativnye paradigmy: vlast' i tradiciya // Istoriya gosudarstva i prava. — 2015. — № 22. — S. 36–43.
3. Iskevich I. S. Pravotvorcheskaya deyatel'nost' i konstitucionnye proekty Vremennogo pravitel'stva : dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. — M., 2005. — 179 s.
4. Konstituciya Rossijskogo gosudarstva (proekt Karela Kramarzha) // Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. — F. R115. — Op. 1. — D. 60. — L. 1–5ob.
5. Kravec I. A. Konstitucionnaya modernizaciya i konservativnaya ohrana (rossijskij konstitucionalizm i teoriya uchreditel'noj vlasti) // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. — 2019. — № 8. — S. 3–7.
6. Kramarz K. Osnovy Konstitucii Rossijskogo gosudarstva // Arhiv russoj revolyucii / izd. G. V. Gessen : v 22 t. — Т. 1, 2. — Berlin : Slovo, 1923. — S. 263–287.
7. Luk'yanova E. A., Shablinskij I. G. Avtoritarizm i demokratiya. — M. : Mysl'; Biznes i mysl'. 2018. — 349 s.
8. Melekhin A. V. Teoriya gosudarstva i prava : ucheb. — M. : Market DS, 2007. — 640 s.

9. Nenasheva Z. S. Masarik i Kramarzh kak ideologi slavyanskogo edinstva v vospriyatii rossijskogo konsula v Prage // Slavyanskij al'manah. — 2000. — № 1999. — S. 123–130.
10. Nikitin A. N. Gosudarstvennost' «beloj» Rossii: stanovlenie, evolyuciya, krushenie. — M. : Pravo i zakon, 2004. — 448 s.
11. Panov P. V. Politicheskij poryadok i problema vosproizvodstva vlasti: institut preemnika // Politeks. — 2010. — № 3. — S. 19–33.
12. Serapionova E. P. Karel Kramarzh i Rossiya. 1890–1937 gody: idejnye vozzreniya, politicheskaya aktivnost', svyazi s rossijskimi gosudarstvennymi i obshchestvennymi deyatel'nyami / otv. red. A. L. Shemyakin ; In-t slavyanovedeniya RAN. — M. : Nauka, 2006. — 512 s.
13. Smykalin A. S. Istoriko-sravnitel'nyj analiz proekta Konstitucii Rossijskoj Demokraticheskoy Federativnoj Respubliki 1917 g. i nyne dejstvuyushchej Konstitucii RF 1993 g. // Gosudarstvo i pravo. — 2014. — № 1. — S. 100–114.
14. Tokareva D. V. Konstitucionnye proekty i koncepcii v russkoj liberal'noj mysli vtoroj poloviny XIX — pervoj chetverti XX veka : dis. ... kand. ist. nauk. — Orel, 2010. — 212 s.
15. Tolochko A. V., Grishaev O. N. Institut prezidentstva v respublikanskoj forme pravleniya: problemy konceptualizacii // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. — 2016. — № 1. — S. 54–58.
16. Trofimov E. A. Prezidentalizm i ustojchivost' razvitiya politij: rossijskaya politicheskaya praktika i opyt zarubezhnyh stran // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Politologiya. Religiovedenie. — 2015. — № 12. — S. 41–49.